

Ю.В. Черновицкая

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ГЕНОЦИД» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье автором анализируется рост в мире самых разнообразных политических, социальных, экономических и других практик, причастных к геноциду, их допустимость, появление новых насильственных практик, что указывает на понятийный кризис термина «геноцид», его спорность и противоречивость, поэтому всё более актуальным для современной науки становится требование найти объективный критерий определения геноцида. Подчёркивается актуальность методологического перехода от принципа политической преднамеренности при определении явлений геноцида к принципу системных закономерностей. Согласно такому подходу политические, экономические, социальные изменения вместе с небрежностью правящего режима приводят к массовому уничтожению группы, несмотря на то, что уничтожение данной группы не являлось прямым намерением. Замечается, что всё более опасной чертой современного этапа развития человеческого общества становится тенденция трансформации прямого геноцида в косвенный, проявляющийся в направленном экономическом вмешательстве, направленном изменении культурно-исторической среды, биологическом вмешательстве, направленном изменении природных условий и др. Широкое распространение современных технологий выводит человека не только за рамки его физических возможностей, но и снижает ответственность управляющих систем, искажает понятие ответственности, приводит к постепенному ослаблению личной моральной ответственности.

Ключевые слова: геноцид, трансформация, намерение, системные закономерности, косвенный геноцид, технологии, моральная ответственность, направленное изменение, насильственные практики, понятийный кризис.

Review. In her article Chernovitskaya analyzes the growth of the political, social, economic and other genocide practices in the world, their acceptability and emergence of new violent practices which underlines the conceptual crisis of the term 'genocide', its controversial and contradictory nature. This emphasizes the need for creating an objective criterion for defining genocide. Chernovitskaya underlines how important it is to move from the principle of political premeditation in determining genocide to the principle of the system regularities, according to which the political, economic and social changes combined with the negligence of the ruling regime lead to massive destruction of the group, despite the fact that the destruction of the group is not directly intended. At the same time, at the present stage of development of human society the most dangerous feature is becoming the tendency towards transformation of direct genocide into indirect kind of genocide. This tendency is manifested in deliberate economic interventions aimed at changing the cultural and historical environment, in biological interventions aimed at changing the natural environment, and etc. Widespread modern technology does not only brings a person beyond his physical abilities, but also reduces the responsibility of management systems and distorts the concept of responsibility leading to gradual weakening of personal moral responsibility.

Key words: directed change, genocide, tendency towards transformation, intention, system regularities, indirect genocide, violent practices, technologies, moral responsibility, conceptual crisis.

Изучение политики геноцида, изначально сложившееся в рамках юридической и исторической науки, в наши дни активно выдвигается на одно из центральных мест в современном общественном сознании, и становится предметом исследования в таких науках как политология, социология, философия. Понятие геноцида, сформулированное в Конвенции 1948 г., не является устоявшимся, имеет массу спорных во-

просов, и все более актуальным для науки становится требование найти объективный критерий определения геноцида. Геноцидом (от греч. *genos* – род, племя и лат. *caedo* – убиваю) принято называть «одно из тягчайших преступлений против мира и безопасности человечества, действия, совершенные с намерением уничтожить полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как та-

ковую, путём убийства членов такой группы; причинения серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; преднамеренного создания для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её; мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственной передачи детей из одной человеческой группы в другую» [1, с. 331].

Заметим, что данное Конвенцией определение видов групп выглядит достаточно противоречивым. Ограничение определения «национальными, этническими, расовыми или религиозными» группами можно назвать не только не совсем корректным (исходя из этимологии термина), но даже произвольным. Так если расовая группа подразумевает генетическое родство, сходные биологические характеристики, то этническая группа имеет в своей основе не биологические, а социо-природные признаки – общность территории и языка, национальная группа определяется социальной, правовой, культурной характеристикой. Религиозная группа – общность людей, исповедующих ту или иную религию, но представители одной национальности или этноса могут быть разделены по религиозному признаку. Примечательно, что термины не всегда имеют одно и то же значение, и зачастую носят относительный, субъективный характер. Существует трудность с определением и выбором ясных критериев принадлежности к этническому и расовому меньшинству. Например, определение расы по цвету кожи варьируется среди различных стран и цивилизаций. Человек, считающийся представителем белой (чёрной) расы в одной стране, может не являться таковым в другой.

Следует обратить внимание на современные тенденции стремления к расширительному толкованию как самого термина геноцид, так и входящих в него определений. Так, помимо расовой, религиозной, национальной и этнической группы, законодатели ряда стран указывают на включение в определение групп, которые могут подвергнуться дискриминации, социальные группы людей, группы людей определённых убеждений (Латвия), а также группы, определённые на основе любого другого произвольного критерия (Беларусь). Ответственность может быть установлена также за сексуальное нападение, за деяния, приведшие к вынужденному переселению, изменению образа жизни или насильственному перемещению в другую группу, за распространение любым способом идей и положений, которые отрицают либо оправдывают геноцид или имеют своей целью восста-

новить режим и институты, которые защищают приёмы геноцида (Испания). Также предусмотрена ответственность за депортацию или принудительное переселение, преследование какой-либо группы или организации не только по общепринятым, но и по культурным мотивам, мотивам половой принадлежности и другим запрещённым нормами международного права мотивам (Азербайджан) [2, с. 95-96]. Между различными религиозными системами существуют серьёзные функциональные различия, поэтому невозможно найти чёткого определения «подлежащей защите религии». Во многих странах существуют группы, говорящие на одном языке, принадлежащие к одной и той же расе, а отличающиеся только религией. В таком случае религия может превратиться в этнический критерий.

Сложное положение складывается при рассмотрении вопросов, связанных с защитой этно-религиозной общины американских индейцев. Законодательство, основанное на западной юридической системе, не способно обеспечить понимание ценностей и традиций индейцев. Им дано право на совершение своих религиозных обрядов, при этом воспользоваться этим правом проблематично, так как американским законодательством запрещено использование находящихся под защитой животных (орлиных перьев) или галлюциногенных растений.

Иное создание жизненных условий (проголосованное в законодательстве РФ), рассчитанных на уничтожение какой-либо группы, – полагает В.М. Вартамян [3, с. 18], – также может быть истолковано достаточно широко. Как видно, под «иным» созданием таких жизненных условий понимается неограниченный перечень деяний, которые не являются ранее рассмотренными признаками геноцида, и в то же время создают угрозу физическому существованию демографической группы или её части (например, биологическое, химическое либо радиоактивное заражение места обитания демографической группы: наложение запрета на занятие каким-либо видом деятельности, являющейся единственным источником её существования).

Определение геноцида не включает ни уничтожения политических групп и общественных классов – «политицид» (например, предполагаемые коммунисты при режиме Сухарто в Индонезии), ни уничтожения элитой или большинством групп, которые разделяют все или большинство определяющих национальных, этнических, расовых и религиозных характеристик господствующих групп, – так называемый «самогеноцид» (термин был введён для описания убийства между 1975 и 1979 г. камбоджийцев Пол Потом и Красны-

ми кхмерами). Так, делегация СССР при обсуждении проекта Конвенции настаивала на включении в определение актов национально-культурного геноцида, направленного против пользования национальным языком, развития национальной культуры (этноцид и сейчас относят к разновидностям геноцида, тем самым подтверждая высокую степень его опасности). Представители западных стран настаивали на включение в Конвенцию «политических групп» [4, с. 415-422], против чего по известным причинам был СССР. Можно заключить словами Ив Тернона: «Слишком широкое употребление слова таит в себе угрозу, что оно станет обыденным, – отмечал он, – а слишком узкое, что оно утратит упреждающий смысл» [5].

Касаясь современности, хотелось бы отметить всё чаще встречающееся в литературе определение «генетическая группа». Если понятие геноцида расширится, то в число групп можно будет включить группу, отличающуюся определёнными генетическими признаками. В связи с развитием методов ДНК-диагностики появляется возможность генетического скрининга всего населения и изучения генотипов его членов. При этом также возникает ряд вопросов философского и этического планов: как повлияет на судьбу и жизнь человека его знание о предрасположенности к какому-либо тяжёлому заболеванию или возможности смерти в молодом возрасте? Несомненно, обществу придётся сразу же столкнуться с проблемами нового вида неравенства – генетического [6, с. 234]. Последователи биоэтики утверждают, что надежды человечества на скорое преодоление болезней, старости и даже смерти неизбежно столкнутся с социальной реальностью, выражаемой в том, что «даже если чаемые изобретения станут достоянием человечества, воспользоваться ими смогут далеко не все. Последнее может привести к расслоению человечества уже не только по имущественному признаку, как было до сих пор, а закреплению этого неравенства на генетическом уровне. Таким образом, потомки тех, у кого был доступ к новейшим технологиям, будут отличаться от остальных уже не только воспитанием и образованием, но и уровнем своих способностей и общего здоровья. В итоге можно получить новую расу людей, точнее две расы – высшую и низшую» [7].

Возвращаясь к определению термина «геноцид» в Конвенции, обратим внимание, что именно указание на *намерение* в определении Конвенции, подчёркивает В.М. Вартанян [8], было особенно спорным, так как утверждалось, что оно чересчур ограничивает применение международных норм, запрещающих геноцид. Разумеется, правительства,

осуществлявшие геноцид, пытались избежать наказания согласно Конвенции о геноциде, отрицая именно намерение уничтожить группу как таковую. Однако большинство комментаторов утверждает, что без строгого условия *преднамеренности* было бы невозможно отличить геноцид как особое преступление от других форм правительственной поддержки массовых убийств.

Но, учитывая, что правительства могут скрывать свои намерения и противодействовать попыткам их выявить, утверждается, что достаточно возможности вывести или приписать намерения, исходя из обстоятельств. С этой точки зрения, геноцид происходит, когда предсказуемым и совокупным результатом хода действий является уничтожение внешней группы, а государство либо осуществляет это, либо способствует осуществлению, последовательно отказываясь или не будучи способным защитить жертвы.

Ограниченность определения заставила некоторых комментаторов уйти от традиционных представлений о намерении, чтобы сосредоточить внимание на системных закономерностях, согласных которым политические, экономические и социальные изменения вместе с небрежностью правящего режима приводят к массовому уничтожению группы, несмотря на то, что уничтожение данной группы не являлось прямым намерением.

В обществе геноцида целая группа может стать объектом безжалостного нажима с целью уничтожения, внутренне присущего самой природе бюрократического, правового и экономического давления господствующей культуры. Существует общее мнение, что индейцы аче (Ache) в Парагвае стали в 1970-е гг. жертвой общества геноцида, так же как в 1980-е гг. – индейцы мискито (Miskito) в Гондурасе, а в настоящее время яномами (Yanomami) в Бразилии и другие коренные народы всего мира находятся на грани уничтожения. Риск уничтожения основан на неослабевающем совокупном воздействии спровоцированных эпидемий, систематических предрассудков и угнетения, межличностного и группового насилия, разрушительных последствий мифологии капитализма (например, предполагаемого превосходства искусственного детского питания), выселения, вызванного иммиграцией и эксплуатацией правовых институтов, а также воздействием охотников за природными ресурсами, включая транснациональные корпорации.

Учитывая, что в XX в. распространились различные формы геноцида, различные его подвиды, такие как демоцид, этническая чистка, резня, этноцид, экоцид, депортация, политцид, становится очевидным, что чёткое определение понятия «ге-

ноцид» необходимо с учетом современных реалий. С уверенностью можно сказать, что геноцид от других преступлений отличается, во-первых, обязательной целью, то есть стремлением к полному или частичному уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Во-вторых, именно в силу законодательного указания на эту цель любой акт геноцида может быть совершен только с прямым умыслом, не может быть совершено геноцида, скажем, по неосторожности, в отличие от убийства; в-третьих, при убийстве не указывается национальная, расовая, этническая, религиозная принадлежность, если это специально не оговорено в ходе следствия; в-четвертых, геноцид не предполагает никакого индивидуального подхода, он приговаривает весь народ, весь этнос целиком, этим он отличается от всех прочих преступлений против человечества.

Таким образом, учитывая всё вышесказанное можно попытаться сформулировать философское определение понятия геноцида как совокупности взаимодополняющих определений. Итак, геноцид есть одновременно или последовательно примененные национально-культурные, биологические, экономические, природно-экологические, физические, любые иные предварительно спланированные виды насильственного вмешательства (или умышленного невмешательства) политического режима в различные сферы жизни этнической, национальной, расовой, религиозной либо иной общности людей (при отсутствии индивидуального подхода). Предсказуемым и совокупным результатом такого вмешательства является уничтожение или повреждение основ существования общности (группы) людей, приводящее к её вымиранию или массовой деградации.

Условно можно выделить следующие версии причин геноцида [9]: версия нравственной недопустимости анализа трагедии, принципиальной необъяснимости, версии отрицающие геноцид, политические, культурно-философские, теологические, политико-экономические, социально-политические, индустриальные, психологические, геноцид как ответ на объявление войны, на противоправные действия по отношению к власти, идеологические, геноцид как восстановление права на геноцид и ряд других. Оправдана точка зрения О.П. Зубец на Холокост, о том, что именно философия (промолчавшая после Аушвица), «должна выразить ужас человека перед его собственным поступком, его незащищенность перед самим собой... и задать такие границы человеческого, которые бы отрицали его банальную способность на все. Единственный способ задать границы чело-

веческого – задать их абсолютно, аксиоматично, вне обоснования и апелляции к познавательным ресурсам. Таким абсолютном, очерчивающим мир человеческого и позволяющим ему существовать, является абсолютное требование «Не убий», абсолютный запрет на убийство человека» [10, с. 296]. По мысли А.А. Гусейнова, именно отсутствие абсолюта позволяет каждому объявлять свои идеи и ценности абсолютными. Именно отсутствие абсолютного запрета на убийство позволяет человеку выстраивать рациональную цепь аргументов в убедительное обоснование не только права, но и необходимости убивать [10, с. 297].

Холокост был вписан в более широкий контекст и занял своё место в ряду многочисленных исторических эпизодов насилия: в одном ряду с войнами во Вьетнаме, Афганистане и даже борьбой с кулачеством в России, сетует О.П. Зубец. Тем не менее, сказанное о Холокосте относится и к геноциду вообще – не следует допускать типизации поступка, нельзя делать его «из морального явлением социальным, имеющим свои причины и выбрасываемым из сферы этического; чтобы его можно было рассматривать как факт, фальсифицировать, проверять научными методами» [10, с. 300].

Рост в мире самых разнообразных политических, социальных, экономических практик, причастных к геноциду, их допустимость, указывает на понятийный кризис термина «геноцид». При этом всё более опасной чертой современного этапа развития человеческого общества становится тенденция трансформации прямого геноцида в косвенный, под которым следует понимать направленное воздействие (умышленное бездействие) на какие-либо группы путём изменения природных условий, культурно-исторической среды, биологических и экономических факторов и т.п., приводящее к созданию для группы таких жизненных условий, которые могут привести (и это был бы желаемый результат) к полному или частичному физическому её уничтожению.

Исследователями фиксируются следующие косвенные формы проявления геноцида: 1) направленное экономическое вмешательство, 2) направленное изменение культурно-исторической среды, 3) биологическое вмешательство, 4) направленное изменение природных условий и др.

1. Направленное экономическое вмешательство

По мнению многих исследователей, в том числе А.С. Панарина, В.А. Лисичкина, Л.А. Шелепина и др. растёт поляризация общества, происходит резкий рост социального неравенства, повышающий со-

циальную напряженность. Новой неолиберальной экономике достаточно для своего успешного существования удовлетворять потребности стран «золотого миллиарда», а не потребности всё более отстающих развивающихся стран, производить для масс в этой новой системе становится просто невыгодным. Фактически, человечество имеет дело, по мнению А. Панарина, с системой экономического геноцида [11, с. 364]. В странах третьего мира и бывших социалистических странах царят различные формы насилия и гражданских конфликтов, где если ещё не осуществляется геноцид, то готовится его фундамент. Социально-экономические изменения в мировом сообществе ведут к тенденции применения геэкономических (внешнеэкономических) войн, как симбиоза «торговых» и «холодных» войн. Геэкономические войны – нанесение ущерба осуществляется невоенными методами по заранее спланированной стратегии оперирования в геэкономическом пространстве с использованием высоких геэкономических технологий [12, с. 252]. Любая национальная экономика может оказаться объектом геэкономического насилия, имеющего свою специфику. Это, – по мнению Э.Г. Кочетова [13, с. 206], – тщательно завуалированный механизм перелива национального и мирового дохода, методы разрушения экономических инфраструктур, «кредитный удар», деформация социально-экономической системы, приводящая к её необратимой трансформации.

В качестве современного примера экономического воздействия следует указать на определение статуса генетических ресурсов, где также затронута проблема справедливого распределения благ между развитыми и развивающимися странами. А.А. Сычев отмечает, что современные биотехнологические корпорации в развитых странах используют уникальный генетический материал (многочисленные разновидности сельскохозяйственных растений, приспособленные к особым климатическим и географическим условиям), созданный за тысячелетия селекционных практик в ряде регионов планеты – в Юго-восточной Азии, Африке, Южной Америке и т.д., для создания высокопродуктивных, болезнеустойчивых гибридов и генетически модифицированных культур. При этом гибриды защищены правами на интеллектуальную собственность, а продукты тысячелетней селекции принято считать плодами всеобщего достояния человечества. «Таким образом, если страны Севера могут свободно пользоваться генетическими ресурсами развивающихся стран, то страны Юга вынуждены закупать культуры, созданные на основе собственных ресурсов» [14, с. 387-388], хотя

именно для этих стран наиболее остро стоит проблема экономического развития. В перечисленных случаях следует обратить внимание на социально-экономические методы, сужающие социально-экономическое пространство группы населения до размеров, в которых она не способна обеспечить свое воспроизводство, что позволяет говорить о косвенном геноциде, осуществляемом экономическими методами.

2. Направленное изменение культурно-исторической среды

Косвенный геноцид, основным компонентом которого является направленное изменение культурно-исторической среды, близок этноциду, однако, первое понятие несколько шире, поскольку в этноциде действия ограничиваются уничтожением культуры народа, при этом как следствие уничтожение самого народа был бы желательный (но не обязательный) результат, так как скорее всего народ, лишённый своей культуры, ассимилируется. При косвенном геноциде – наоборот, цель – уничтожение самого народа посредством уничтожения культуры. Классический пример этноцида – колонизация американского, австралийского и др. континентов, где проводящаяся на протяжении многих десятков лет политика насильственной ассимиляции означает культурную, духовную, психическую форму геноцида» [15, с. 70]. Тем не менее, исследователи процессов колонизации (например, Д. Станард, У. Черчилль и др.) настаивают на том, что уничтожение коренного населения Америки предстает как самый массовый и длительный (вплоть до сегодняшнего дня) геноцид в мировой истории. Учёные полагают, что народы обеих Америки сохранили не более 5% своей численности, при этом подчёркивается замалчивание научным сообществом действительной численности населения американского континента в доколумбову эпоху. Многими авторитетными исследователями (например, Дж. Милль) противопоставляется принцип свободы как ценности и свободы как граничного условия мирного морального сообщества людей. Принцип свободы легитимен для сообществ, владеющих навыками использования демократических процедур, но не обязателен в отношении посторонних сообществ. Пока у людей нет навыка свободных и равных суждений, вполне допустим деспотизм как «образ правления, легитимный в отношении варваров, единственно способный исправить их природу...» [16, с. 115]. «Защиту «прав человека» в странах «оси зла», – отмечает П.Д. Тищенко, – можно вполне осуществлять и с помощью

ковровых бомбардировок, деспотично насаждая в них демократические ценности, которые для самих «варваров» ценностью не обладают. Сами «варвары» мирным путём исправить собственную природу с тем, чтобы она соответствовала ценностям либерализма, не могут» [17, с. 116]. Профессор Мельбурнского Университета Т. Стрелу заявлял: «Аборигены не только примитивная, но и вырождающаяся раса. Туземцы – народ слишком слабый, чтобы суметь приспособиться к европейской цивилизации. Им уготовано исчезнуть с лица земли» [18, с. 382]. «Глобальное открытое общество, – считал А.С. Панарин, – социал-дарвинистская среда, где действует социал-дарвинистский принцип, который требует разрушения социального государства – прибежища неприспособленных внутри страны, которым навязывался образ изгоев, враждебных современной цивилизации, требует демонтажа национального суверенитета границ, рассматривая его как прибежище неприспособленных народов, уклоняющихся от законов мирового рыночного отбора, против которых ведётся пропагандистская война, являющаяся подготовкой к физическому насилию и геноциду» [19, с. 206]. Направленное изменение культурной среды как форма косвенного геноцида, постепенно способствует формированию общества потребления, «массового общества», для которого характерны стандартизация, примитивизм в изображении отношений людей, сентиментальность, развлекательность, культ потребления и успеха, насилие. Относительно «неприспособленных» ведутся настоящие информационные, пропагандистские войны. Однако, как замечал ещё И.П. Меркулов, «без многообразия, без наличия культурных альтернатив культура теряет запас информационной «изменчивости» на будущее, способность к адаптации и к эволюции в новых, ещё не сформировавшихся условиях» [20, с. 314].

3. Биологическое вмешательство

В последнее время равновесие между прогрессом и биофизическими способностями человека оказалось достаточно серьёзно нарушенным. Далека от удовлетворительной степень физической, умственной и психической адаптации человека к неестественным и стремительным темпам современной жизни. Современный период развития биологии характерен нарастанием прямых связей биологии с практикой, когда биология становится средством не только изучения, но и влияния на мир живого [21, с. 4], в том числе и направленного влияния в чьих-либо интересах. Некоторые учё-

ные обращают внимание на то, что «теперь научному сообществу придётся ограничить непомерные аппетиты индустрии научных исследований и бороться с сильнейшим соблазном – перейти к регулярному, повседневному экспериментированию с наиболее доступным человеческим материалом: по тем или иным причинам зависимыми, невежественными и внушаемыми индивидами» [22, с. 107]. Даже иногда говорится не об экспериментах на человеке, а об исследованиях либо испытаниях с участием человеческих субъектов, «животных по необходимости». В биологии всё более нарастают тенденции проектирования и конструирования биообъектов, всё явственнее проявляются задачи управления живыми системами. Развиваются такие направления исследовательской деятельности, как предвидение, прогнозирование, которые получили отражение в развитии таких актуальных исследовательских направлений, как генная инженерия, клеточная инженерия, конструирование естественных и искусственно созданных био- и агроценозов, что превращает биолога в «конструктора» новых организмов, современная действительность позволяет учёному иметь дело не с вирусами как таковыми, молекулами или химическими процессами, а с самой человеческой жизнью. «До сих пор евгеника не смогла причинить ощутимого вреда лишь потому, – отмечает Ю.В. Хен, – что не располагала средствами для воплощения в реальность своих замыслов [23, с. 258]». В современной ситуации, в связи с расшифровкой генома человека, возможностей клонирования живых организмов, евгеника получает реальную возможность для осуществления своих проектов. Но в силу чрезвычайной дороговизны современных биотехнологий, это доступно только государству, что с одной стороны, безусловно, плюс, а с другой – требуются механизмы защиты индивидов от произвола государства. Очень правдоподобные, но совершенно не изученные риски несёт в себе процедура создания трансгенных животных. Как изменится поведение людей, которым будут трансплантированы печень, сердце, почки и даже мозг (в ближайшее время учёные планируют создать трансгенных мышей, у которых все 100% нейронов головного мозга будут человеческими) животного. Каковы последствия возможного попадания этих нового вида человеко-животных в естественную среду обитания? «Создание трансгенных животных – своеобразных «химер», часть генома которых получена от человека, а другая часть от животных, несёт в себе трудно предсказуемые риски разрушения не только биологических барьеров между животными и человеком, но и границ человеческой само-

идентичности» [24, с. 70]. Насколько просто станет манипулировать такими людьми? Если любой орган человека может быть искусственно изготовлен (перспектива использования стволовых клеток) и заменен, человек начнет воспринимать себя как «некое изделие, т.е. обезличенно» [24, с. 71]. Не к этому ли стремятся тоталитарные режимы, стараясь обезличить индивидуумов?

С совершенствованием медицины (например, с созданием аппарата искусственной почки, с которого, по мнению некоторых философов, начинается история биоэтики) пришло осознание того, что распределение дефицитной помощи (существовала острая нехватка аппаратов) – это не только техническая процедура, но и «решение моральной проблемы справедливости, что её неверное решение может привести к созданию новой (в сравнении с расовой и гендерной) политики дискриминации людей» [17, с. 123]. Тогда был создан этический комитет для выработки конкретных правил отбора пациентов для гемодиализа.

Некоторые авторы (М. Фостер (M.W. Foster), Д. Бергстен (D. Bergsten), Т. Картер (Th.H. Carter) указывают на двойственность риска (индивидуальный и коллективный риск) при проведении исследований с людьми, имеющими определённые генетические различия, т.к. именно они становятся основой для дискриминации, расизма, геноцида. Они описывают консультации, которые проводили с представителями племени Апачи, и заключенные в результате соглашения по правам на интеллектуальную собственность и распоряжение биологическими образцами. Однако, Э. Юнгст (E.T. Juengst) указывает, что согласие на исследование берётся у социально-политической группы, которая может не соответствовать представляющей интерес генетической группе, следовательно для таких сообществ необходимо принять эффективные меры защиты от коллективного риска. «Группы людей, которые отобраны, описаны и сравнены в ходе популяционно-геномных исследований, выделение отдельных генетических групп является формой генетического детерминизма, а это почти всегда ключевой шаг к детерминации, расизму» [25, с. 297], геноциду.

Возможное преднамеренное биологическое вмешательство, способное, в том числе, превратиться в косвенные формы геноцида, изменение биологической природы человека под влиянием различных факторов, геновая, клеточная инженерия, биотехнологии, экологические болезни человека ещё мало изучены, не адаптированы в обществе, требуют пристального внимания человечества на новом этапе развития науки.

4. Направленное изменение природных условий

Любое нарушение правил сосуществования между людьми – меж- и внутринациональные, такие как войны, как социальные революции, которые ставят задачей осуществление всё новых и новых способов распределения и перераспределения богатств – производственных и природных – обязательно сказываются и на состоянии природы. Так, намеренное изменение природных условий, например, при освоении Севера, халатное отношение, а порой и преступное вмешательство в «окультуривание» народов Средней Азии, по своей сути может являться косвенным геноцидом, так как уничтожение национальной самоидентификации народа (при активном сопротивлении самого народа), считалось бы желательным результатом. При экспансии Северной природы человеком совершенно не принималась во внимание связь природы и культуры коренного населения Сибири и Севера, что привело к упадку нравственного и социального уровня жизни. Также и у американских индейцев, традиционные религии которых рассматривают мир как непрерывный процесс, их главная функция – поддерживать баланс в природе и гармонию человечества с природой. Для индейцев Соединённых Штатов природа – их церковь, и этот коренной принцип, конечно, вступает в конфликт с капиталистической концепцией частной собственности и западной цивилизацией.

В условиях обострившихся межнациональных конфликтов вызывает тревогу и положение национальных меньшинств, проживающих в иноэтническом пространстве. Плачевное экономическое, политическое положение малых народов и национальных меньшинств, их низкий культурный уровень суть результат накопления кризисных явлений в системе национальных отношений, где они выражены наиболее рельефно. В этой связи речь идёт не только о сохранении экономической и духовной энергии того или иного малочисленного этноса, но и о его физическом выживании [26, с. 200-212].

Враждуя между собой, люди, хотя и того или нет, но обязательно враждуют с природой, оставляя выжженные в сражениях поля и отравляя воздух (например, война во Вьетнаме или Ираке), тем более, если имеет место производство и испытание новых классов вооружений. Действительно ли гербициды, применяемые во Вьетнаме, служили только для уничтожения урожая, полного уничтожения листового покрова, который «мог скрывать повстанческие силы»? Нельзя ли это принять за стратегическое оружие? Ядохимикаты не только уничтожали настоящий урожай,

проникая в почву, распадаясь там десятки лет, препятствуя возобновлению растительности, но и разрушали экосистему, способствуя обеднению видового состава, ослаблению фиксации атмосферного азота в бобовых, хромосомному отклонению в растениях, образование большого количества нитратов в некоторых растениях, вплоть до того, что эти растения становились токсичными для животных, пищу которых они составляли. В результате применения гербицидов во Вьетнаме рождались дети с врождёнными уродствами либо происходили выкидыши.

Преднамеренное влияние на природную среду достаточно показательный пример косвенного геноцида, однако дающий повод националистически настроенным группам граждан создавать спекуляции этим понятием, выдавая за косвенный геноцид халатность, превышение полномочий, бездеятельность, например, обвиняя Россию в дискриминации своих национальных меньшинств, либо собирательный образ всемирного государства против России. В каждом конкретном случае следует искать принцип преднамеренности (и, соответственно, тех, кто за этим стоит), что переводит экономическую халатность, экологические просчеты, социальные кризисы, природные катастрофы в разряд политического действия, т.к. субъект преднамеренности – это уже субъект политики, и уже можно ставить вопрос о наличии косвенного геноцида.

Не доказав факт преднамеренности России в создании жизненных условий народам Севера, которые направлены на уничтожение данных народов как этнической группы, нельзя говорить о геноциде. Однако следует обратить внимание, как системные закономерности, вместе с небрежностью правящего режима создают практически такие условия. И, думаю, рассматривая каждый отдельный случай, можно было бы найти факты преднамеренности, например, отдельных корпораций, заинтересованных в промышленном овладении региона. Ведь правительство, которое знает о систематическом уничтожении коренных народов в результате преднамеренных действий отдельных индивидов или корпораций, но не делает ничего для прекращения этого уничтожения, можно назвать осуществляющим геноцид. Одним из выходов из критической ситуации, в которой находятся малочисленные народы всего мира, видится в этноэкологии, «занимающейся изучением особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом... специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду; традиций рационального природопользования, закономерностей

формирования и функционирования этноэкосистем» [27, с. 8]. Необходима трансформация доминирующих отношений людей друг с другом и с природой. От отношений господства, конкуренции, соревновательности необходимо движение к нравственному преображению человека, которое должно снизить уровень его агрессивности и заменить потребительское отношение к природе на идеалы сотрудничества, кооперации, сосуществования.

В современном мире велика роль научных достижений в положительной динамике развития общества, но также присутствует и негативное влияние. Варварские действия человечества по отношению к самому себе (уничтожение себе подобных, халатное отношение к окружающей среде, отсутствие контроля за рождаемостью, утилизацией отходов и т.п.) можно рассмотреть не как «рецидив варварства», а как безудержную реализацию достижений современной науки, технологии и власти», – считает Г. Маркузе [28]. Философы техники даже заявляют о появлении новой силы планетарного масштаба – техносферы. «Человек уже создал цивилизацию, в которой технические реалии начинают жить по своим законам, подчиняя себе власть, общественную жизнь, науку, ресурсы. Этим реалиям, сам того не замечая, оказывается подчинён и человек» [29, с. 334]. Основой статуса человека как духовного существа является ответственность. «...Проблема ответственности, – считает Х. Сколимовски, – должна рассматриваться нами в неразрывной связи с проблемой техники. Техника, постоянно отстраняя нас от ответственности, перепоручая все экспертам, воплощает в себе торжество зла. Ибо, если всё делается за нас, если мы более ни за что не несём ответственности, то нас уже нельзя считать людьми» [30, с. 121]. Действительно, наблюдается постепенное ослабление моральной ответственности. Например, широкое распространение современных информационных технологий выводит человека не только за рамки его физических возможностей, но и за рамки морально-этических норм, снижает ответственность управляющих систем. Работая с «картинкой» и представляемыми образами, человек неминуемо теряет понимание того, что его работа влияет на реальную жизнь реальных людей. Он просто забывает о них, что в сочетании с качественно большей эффективностью превращает его в прямую угрозу для общества [31].

Снижается ответственность и за применение насилия, сопровождаемое процессами санкционирования, рутинизации и дегуманизации [32, с. 205]. Санкционирование освобождает человека от личной ответственности за моральный выбор, так как он действует с санкции начальства, по приказу. Тем

не менее, общая концепция ответственности за совершение социального насилия сводится к выявлению подлинных виновных лиц за пределами государственного уровня, ответственности физических лиц. Х. Арендт подчёркивала, что после Нюрнбергского трибунала «мнение и общества, и закона склонялось к тому, чтобы считать «убийц за столами» – главными инструментами которых были пишущие машинки, телефоны и телетайпы – более виновными, чем тех людей, которые в действительности приводили в движение механизм уничтожения, бросали гранулы с газом в камеры, заряжали пулемёты для массовых убийств мирных жителей или занимались кремацией гор трупов» [33, с. 312]. Причём по отношению к вопросу необходимо ли всегда безотменно выполнять все приказы или всё же можно, а порою и необходимо, оказывать сопротивление некоторым из них, законодатели, подготовившие Нюрнбергский судебный процесс, придерживались чёткой позиции, вызвавшей, однако, неразрешимую нравственную проблему, что окончательным апелляционным судом является лишь совесть каждого человека. В судах над военными преступниками на поверхность вышел не только сложный вопрос о личной ответственности (по мнению суда, стоит учитывать, что никто из них не был добровольцем – и даже не был в состоянии поступить на службу добровольцем – выполняя свои обязанности, скажем, в Освенциме. Также они не могут, по сути, нести ответственность за главное преступление, совершённое в лагере – уничтожение миллионов людей газом – так как решение о геноциде и в самом деле, по словам защиты, «окончательно вступило в силу по приказу Гитлера»), но и неприкрытая уголовная вина; лица тех, кто сделали всё, что было в их силах, – а точнее всё худшее, что было в их силах, – в деле повинования преступным приказам, всё же сильно отличались от лиц тех, кто, будучи внутри узаконенной преступной системы, не так сильно стремились исполнять приказы и поступали со своими обречёнными жертвами как им захочется [33, с. 312]. Как ни шаток и небеспорен окончательный критерий – индивидуальная совесть – другого, более строгого критерия в этом вопросе невозможно указать.

Процесс рутинизации означает, что насилие превращается в механическую, хорошо запрограммированную операцию, лишённую моральных аспектов. При этом каждый участник выполняет частную задачу, не осознавая чётко смысл операции в целом. Так, например, Освенцим – это настоящая фабрика по уничтожению людей, где сам процесс организован как промышленное производство, хорошо спланированное и чётко отлажен-

ное, но это ещё и своеобразная лаборатория, где ставится чудовищный эксперимент над человечеством, которое само себя режет на части, потому что происходит «полностью суверенное» разделение, окончательное и бесповоротное, на тех, кто должен жить и кто должен умереть» [34, с. 620].

Дегуманизация предполагает лишение объектов насилия каких-либо человеческих качеств, индивидуальности, сведение их к символам, к воплощению «враждебной силы». Низведение объекта насилия до уровня биологического существа грозит общей (цивилизационной) деградацией общества. Насилие носит саморазрушающий характер, оно способно уничтожить основы цивилизации не только в данном социуме, но и в мире в целом. Дегуманизирующее воздействие оказывает насилие и на сознание и поведение тех, кто его осуществляет. В.С. Библер полагает: «...убивая на фронте, мы убивали не только того фашиста, которого убивали непосредственно, но убивали и человека в себе. ...каждое убийство – есть убийство и себя, это рефлексивно» [35].

Небезосновательны предложения о расширительном толковании ответственности. Ю. Гальтунг [32, с. 31] предлагает разделить политическое насилие на два типа: прямое и структурное. Прямое насилие имеет не только точный адресат, но и ясно определяемый источник насилия. Структурное же насилие как бы встроено в социальную систему: «Людей не просто убивают с помощью прямого насилия, но также их убивает социальный строй». По мнению К. Митчема, «естественное побуждение расширить толкование гражданского правонарушения возникает в тех случаях, когда понесены потери или причинен вред, но никакое поведение или индивид не могут быть идентифицированы как ответственные за это, поскольку или невозможно доказать наличие злого умысла или халатность, или же можно сослаться на сложность самого действия» [36, с. 93]. Соответственно наблюдается стремление к отказу от принципа преднамеренности и переход к системному подходу, анализирующему все действия или бездействия, которые неумышленно привели к какой-либо ситуации. Предполагается, что понятие ответственности может быть искажено, некоторые технологии могут лишить человека ответственности.

Обращается внимание на необходимость определения косвенного геноцида, предотвращения его на ранних стадиях. Локальные конфликты, замещающая эмиграция, направленное экономическое, биологическое (генная инженерия, биотехнологии) вмешательство, направленное изменение природной (экоцид), культурно-исторической среды (этноцид) все эти действия при использовании в корыстных целях предвосхищают геноцид, явля-

ются действиями, создающими условия, невозможные для выживания какой-либо группы. Кроме того, в условиях глобализации геноцид приобретает новые качества, и намечаются тенденции, что в методологии научного исследования вместо принципа преднамеренности решающую роль в определении преступления геноцида будет играть принцип системного подхода для анализа социальных, экономических, политических изменений при попустительстве правящего режима.

Являются ли активизирующиеся виды социального насилия следствием агрессивной природы человека, сублимирующейся при помощи технологий и техники в мире современных технологий?

Или же, наоборот – это результат развития технологий, и как следствие, вседозволенности, моральной безответственности? Как отмечает О. Зубец: «философия, даже будучи пленницей взглядов и проблем своей эпохи, способна – и в этом её принципиальное отличие от наук – задать такую перспективу, которая защищает человечество от самого себя. От человеческого в себе» [10, с. 304]. И если раньше к человеку в себе относились как к моральному субъекту, рассчитывая на справедливые решения, то в настоящее время сложно предугадать, что можно ждать от нашей изменившейся человеческой природы. Здесь ещё много нерешённых задач для философии.

Список литературы:

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г. // Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. М.: Профобразование, 2003. 879 с.
2. Кочои С. Геноцид: понятие, ответственность, практика // Уголовное право. 2001. № 2. С. 95-97.
3. Вартамян В.М. Уголовная ответственность за геноцид: Автореф... дисс... к.ю.н. Ставрополь, 2000. 27 с.
4. Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М.: Наука, 1969. 454 с.
5. Тернон Ив. Размышления о геноциде. [Электронный ресурс] URL: www.hrighs.ru (дата обращения 13.02.2014).
6. Шаталов А.Т., Мяндина Г.И. Евгеника в контексте современных достижений генетики человека // Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности / Отв. ред. Ю.В. Хен. М.: Канон+, 2005. С. 218-239.
7. Майленова Ф.Г. Возможности модификации природы человека сегодня // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2008. С. 83-94.
8. Вартамян В.М. Уголовная ответственность за геноцид: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 166 с.
9. Мадиевский С. Почему Холокост? // Новый мир. 1998. № 9. С. 219-227.
10. Зубец О.П. От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте // Постигая добро: сборник статей. К 60-летию Рубена Грантовича Апресяна. М.: Альфа-М, 2013. С. 290-310.
11. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.
12. Кочетов Э.Г. Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание... М.: ОАО Изд. группа «ПРОГРЕСС», 2001. 704 с.
13. Кочетов Э.Г. Глобалистика: Теория, методология, практика. М.: НОРМА, 2002. 647 с.
14. Сычев А.А. Этические измерения биоразнообразия // Постигая добро: сборник статей. К 60-летию Рубена Грантовича Апресяна. М.: Альфа-М, 2013. С. 385-401.
15. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2002. 415 с.
16. Mill J.St. The philosophy of John Stuart Mill. N.Y., 1961. P. 198. (Цит. по: Тищенко П.Д. Угроза множественности и идея гуманитарной экспертизы // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2008. С. 102-128.)
17. Тищенко П.Д. Угроза множественности и идея гуманитарной экспертизы // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2008. С. 102-128.
18. Геноцид (энциклопедия катастроф) / Под ред. Т.И. Ревяко. Мн.: Литература, 1996. 423 с.
19. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 424 с.
20. Меркулов И.П. Взаимосвязь биологической и культурной эволюции // Биология и культура / Отв. ред. И.К. Лисеев. М.: Канон+, 2004. С. 288-317.
21. Лисеев И.К. Предисловие // Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности / Отв. ред. Ю.В. Хен. М.: Канон+, 2005. С. 3-6.
22. Jonas H. Philosophical Reflection on Experiments with Human Subjects // Experimentation with Human Subjects / Ed. by P.A. Freund, George Braziller Inc., 1970. P. 529. (Цит. по: Юдин Б.Г. Этическое измерение современной науки // Этика науки. М.: ИФ РАН, 2007. С. 98-116.)
23. Хен Ю.В. Цели и средства евгеники (этический и естественнонаучный статус дисциплины) // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 243-260.
24. Тищенко П.Д. Этические проблемы развития биотехнологий // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2008. С. 55-82.
25. Эмануэль, Иезекииль Дж. Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований (Ethical and regulatory aspects of clinical research): сборник статей и комментариев / Пер. с англ.; под ред. В.В. Власова. М.: Практическая медицина, 2013. 493 с.
26. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
27. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. С. 3-16.
28. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: ООО "Издательство АСТ", 2002. 526 с.

29. Герасимова И.А. Этнос науки. Проблема добра и зла // Этнос науки. М.: Academia, 2008. С. 317-337.
30. Skolimowski H. Freedom, Responsibility and the Information Society. Vital Speeches 50, no. 16 (June I, 1984), p. 495. (Цит. по: Митчем К. Что такое философия техники? М.: Аспект Пресс, 1995. 149 с.)
31. Делягин М. Место России в условиях глобализации // Наш современник. 2001. № 7.
32. Насилие: социо-политический анализ / А.В. Дмитриев, И.Ю. Залысин. М.: РОССПЭН, 2000. 328 с.
33. Арндт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. 352 с.
34. Brossat A. (Цит. по: Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М.: Текст, 2003. 687 с.)
35. Библиер В.С. Перестройка и нравственность (материалы Круглого стола) // Вопр. философии. 1990. № 7. С. 13-14.
36. Митчем К. Что такое философия техники? М.: Аспект Пресс, 1995. 149 с.

References (transliteration):

1. Konventsiya o preduprezhdenii prestupleniya genotsida i nakazaniya za nego ot 9 dekabrya 1948 g. // Mezhdunarodnoe pravo v dokumentakh / Sost. N.T. Blatova, G.M. Melkov. M.: Profobrazovanie, 2003. 879 s.
2. Kochoi S. Genotsid: ponyatie, otvetstvennost', praktika // Ugolovnoe pravo. 2001. № 2. S. 95-97.
3. Vartanyan V.M. Ugolovnaya otvetstvennost' za genotsid: Avtoref... diss... k.yu.n. Stavropol', 2000. 27 s.
4. Trainin A.N. Izbrannye proizvedeniya. Zashchita mira i ugovolnyy zakon. M.: Nauka, 1969. 454 s.
5. Ternon I.V. Razmyshleniya o genotside. [Elektronnyy resurs] URL: www.hrighs.ru (data obrashcheniya 13.02.2014)
6. Shatalov A.T., Myandina G.I. Evgenika v kontekste sovremennykh dostizhenii genetiki cheloveka // Evgenika v diskurse global'nykh problem sovremennosti / Otv. red. Yu.V. Khen. M.: Kanon+, 2005. S. 218-239.
7. Mailenova F.G. Vozmozhnosti modifikatsii prirody cheloveka segodnya // Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 2. M.: IF RAN, 2008. S. 83-94.
8. Vartanyan V.M. Ugolovnaya otvetstvennost' za genotsid: Dis. ... kand. yurid. nauk. Stavropol', 2000. 166 s.
9. Madievskii S. Pochemu Kholokost? // Novyi mir. 1998. № 9. S. 219-227.
10. Zubets O.P. Ot diskussii o lzhi k molchaniyu o Kholokoste // Postigaya dobro: sbornik statei. K 60-letiyu Rubena Grantovicha Apresyana. M.: Al'fa-M, 2013. S. 290-310.
11. Panarin A.S. Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke. M.: Algoritm, 2003. 560 s.
12. Kochetov E.G. Globalistika kak geoeconomika, kak real'nost', kak mirozhdanie... M.: OAO Izd. gruppa «PROGRESS», 2001. 704 s.
13. Kochetov E.G. Globalistika: Teoriya, metodologiya, praktika. M.: NORMA, 2002. 647 s.
14. Sychev A.A. Eticheskoe izmereniya bioraznoobraziya // Postigaya dobro: sbornik statei. K 60-letiyu Rubena Grantovicha Apresyana. M.: Al'fa-M, 2013. S. 385-401.
15. Panarin A.S. Iskushenie globalizmom. M., 2002. 415 s.
16. Mill J.St. The philosophy of John Stuart Mill. N.Y., 1961. P. 198. (Tsit. po: Tishchenko P.D. Ugroza mnozhestvennosti i ideya gumanitarnoi ekspertizy // Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 2. M.: IF RAN, 2008. S. 102-128.)
17. Tishchenko P.D. Ugroza mnozhestvennosti i ideya gumanitarnoi ekspertizy // Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 2. M.: IF RAN, 2008. S. 102-128.
18. Genotsid (entsiklopediya katastrof) / Pod red. T.I. Revyako. Mn.: Literatura, 1996. 423 s.
19. Panarin A.S. Filosofiya politiki. M.: Novaya shkola, 1996. 424 s.
20. Merkulov I.P. Vzaimosvyaz' biologicheskoi i kul'turnoi evolyutsii // Biologiya i kul'tura / Otv.red. I.K. Liseev. M.: Kanon+, 2004. S. 288-317.
21. Liseev I.K. Predislovie // Evgenika v diskurse global'nykh problem sovremennosti / Otv. red. Yu.V. Khen. M.: Kanon+, 2005. S. 3-6.
22. Jonas H. Philosophical Reflection on Experiments with Human Subjects // Experimentation with Human Subjects / Ed. by P.A. Freund, George Braziller Inc., 1970. P. 529. (Tsit. po: Yudin B.G. Eticheskoe izmerenie sovremennoi nauki // Etika nauki. M.: IF RAN, 2007. S. 98-116.)
23. Khen Yu.V. Tseli i sredstva evgeniki (eticheskii i estestvennonauchnyi status distsipliny) // Filosofiya nauki. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov. M.: IF RAN, 2005. S. 243-260.
24. Tishchenko P.D. Eticheskoe problemy razvitiya biotekhnologii // Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 2. M.: IF RAN, 2008. S. 55-82.
25. Emanuel', Iezekiil' Dzh. Eticheskaya i pravovaya storona provedeniya klinicheskikh issledovaniy (Ethical and regulatory aspects of clinical research): sbornik statei i kommentariyev / Per. s angl.; pod red. V.V. Vlasova. M.: Prakticheskaya meditsina, 2013. 493 s.
26. Bromlei Yu.V. Ocherki teorii etnosa. M.: Nauka, 1983. 418 s.
27. Kozlov V.I. Osnovnye problemy etnicheskoi ekologii // Sov. etnografiya. 1983. S. 3-16.
28. Markuze G. Eros i tsivilizatsiya. Odnomerniy chelovek: Issledovanie ideologii razvitoego industrial'nogo obshchestva / Per. s angl., poslesl., primch. A.A. Yudina; sost., predisl. V.Yu. Kuznetsova. M.: OOO "Izdatel'stvo ACT", 2002. 526 s.
29. Gerasimova I.A. Etos nauki. Problema dobra i zla // Etos nauki. M.: Academia, 2008. S. 317-337.
30. Skolimowski H. Freedom, Responsibility and the Information Society. Vital Speeches 50, no. 16 (June I, 1984), p. 495. (Tsit. po: Mitchem K. Chto takoe filosofiya tekhniki? M.: Aspekt Press, 1995. 149 s.)
31. Delyagin M. Mesto Rossii v usloviyakh globalizatsii // Nash sovremennik. 2001. № 7.
32. Nasilie: sotsio-politicheskii analiz / A.V. Dmitriev, I.Yu. Zalyisin. M.: ROSSPEN, 2000. 328 s.
33. Arndt Kh. Otvetstvennost' i suzhdenie. M.: Izd. Instituta Gaidara, 2013. 352 s.
34. Brossat A. (Tsit. po: Kotek Zh., Rigulo P. Vek lagerei: lishenie svobody, kontsentratsiya, unichtozhenie. Sto let zlodeyanii. M.: Tekst, 2003. 687 s.)
35. Bibler V.S. Perestroika i nrvstvennost' (materialy Kruglogo stola) // Vopr. filosofii. 1990. № 7. S. 13-14.
36. Mitchem K. Chto takoe filosofiya tekhniki? M.: Aspekt Press, 1995. 149 s.